

фин. *jaksa* - 'мочь', а с *jaksaa* (*jalat*) 'разуваться' (с. 86). Морд. *ница* 'крыло' автор связывает с эст. *patsaj* 'перо' (с. 120), однако такое слово в эстонском языке не существует; в южноэстонских диалектах есть *putsai* 'перо' с иной этимологией.

Можно согласиться с выводами О. Е. Полякова о том, что в мордовских языках финно-угорские аффрикаты могли дезаффрикатизироваться, но они могли и утратить свою смычку и перейти в шипящие.

В работе О. Е. Полякова «Аффрикаты

и сибиллянты в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках и диалектах» решаются многие сложные и спорные вопросы фонетики и фонологии финно-угорских, в первую очередь мордовских языков. Данные экспериментального анализа позволили автору объективно описать артикуляцию мордовских сибиллянтов и аффрикат. Следует подчеркнуть, что такое серьезное экспериментальное исследование осуществлено впервые в истории мордовского языкознания.

ПАУЛЬ АРИСТЭ (Тарту)

<https://doi.org/10.3176/lu.1982.2.12>

И. М. Ведяшкин, Категория залога в эрзя-мордовском литературном языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1979.

27 апреля 1981 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском государственном университете состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук учителем Чукальской средней школы Ардатовского района Мордовской АССР И. М. Ведяшкиным на тему «Категория залога в эрзя-мордовском литературном языке». Научный руководитель — кандидат филологических наук Д. Т. Надькин. Официальными оппонентами на защите выступили доктор филологических наук профессор Д. В. Цыганкин (Саранск), академик АН Эстонской ССР, доктор филологических наук профессор П. Аристэ (Тарту), кандидат филологических наук Л. П. Васикова (Йошкар-Ола).

Категория залога — одна из сложных проблем языкознания. Нельзя сказать, чтобы эта проблема в мордовских языках была обойдена исследователями. Рецензируемая диссертация третья монографическое освещение ее. Наличие двух диссертационных работ (М. И. Пигина и А. Е. Смиренниковой), посвященных этой проблеме, поставило автора перед трудностями. Тем не менее он, можно сказать, с успехом справился со своей задачей: опираясь на исследования предшественников, используя достижения современной грамматической мысли в этой области, И. М. Ведяшкин сумел многие вопросы рассмотреть по-новому. Свежий

и богатый материал, снабженный умелым анализом, позволил ему достаточно глубоко описать сложную систему залоговых противопоставлений в эрзянском языке.

За основу общетеоретического анализа автором принята разрабатываемая в настоящее время универсальная теория залога, в соответствии с которой каждое глагольное ядро имеет исходную конструкцию и производные конструкции пассивной деривации. Деривационные отношения между исходной и производными конструкциями считаются залоговыми. В системе ядерных конструкций исходной считается конструкция, в которой а) партиципранты глагольной ситуации находят субстанциальное выражение, б) каждый партиципант имеет свой референт в реальной действительности и в) иерархии семантических и синтаксических корреляций имеют сходство.

В работе подробно рассматриваются особенности четырех залогов (действительный, понудительный, возвратный, страдательный), определяются отношения переходности-непереходности к залого, устанавливаются соотношения диатез и залогов, делается попытка дать определение синтаксическим и семантическим актантам. Залог, по определению автора, — это лексико-грамматическая категория, постоянно обозначающая в наклонениях переходного или производного непереходного от переходного глагола прямое или обратное соответствие между единицами синтаксического и семантического уров-

ней. В связи с таким определением вводятся новые залоговые термины: соответствие, диатеза, маркирование, семантический субъект и объект, дополнение субъекта и т. д. Сделана попытка выявить места и степень распространенности различных форм залога в письменном эрзянском языке. Надо отдать должное автору: им составлен и проверен подробный список переходных, транзитивно-интранзитивных и непереходных глаголов, выделены и противопоставлены залогов друг другу по их морфологическим и синтаксическим признакам.

Работа состоит из введения, пяти глав, заключения и приложения с реестром глаголов.

Введение содержит краткую историографию исследуемой проблемы в мордовских и других финно-угорских языках.

В первой главе подробно рассмотрена переходность и непереходность эрзянского глагола. Раскрыта сущность переходности-непереходности. Среди переходных различаются а) глаголы, употребляющиеся только в переходном значении: *пандомс* (долг) 'уплатить (долг)' и др.; б) глаголы, допускающие употребление в непереходном значении: *видян* (*сюро*) 'сею (хлеб)' — *видян* 'сею' (в значении *роботан* 'работают'). Среди непереходных различаются а) глаголы, употребляемые лишь в непереходном значении: *озамс* 'сесть' и др.; б) глаголы, допускающие употребление в переходном значении: *удан* 'сплю' — *удья поездэнтъ* 'я проспал поезд'. Отмечены глаголы, которые в исходной форме вне контекста имеют одновременно значение переходных и непереходных: *оршамс* 'одеть, одеться'; *шлямс* 'умыть, умыться' и др. Эта древняя финно-угорская особенность глагола хорошо сохранилась в мордовских языках.

В этой главе даны суффиксы переходных и непереходных глаголов. Взаимоотношения суффиксов проанализированы систематически и достоверно. Выявлены различия между каузативными и переходными глаголами. Глагольная каузативность-некаузативность до сих пор мало исследовалась. Каузативность-некаузативность связана с залогом, переплетается, но не сливается с ним. Поэтому ее изучение интересно не только для лингвистической теории, но и для практики обучения родному языку.

В работе приведены диатезы, или схемы соответствия субъекта, объекта и членов предложения. Общим для диатез и залогов является соответствие членов предложения и компонентов ситуации. Залог входит в понятие диатез, которые маркируются в залоговом глаголе. Диатезы охватывают различные конструкции речи — как залоговые, так и незалоговые, поэтому количество диатез значительно больше, нежели залогов. Выявляется тесная связь диатезы с залогом. И. М. Ведяшкин сделал вывод, что одной диатезе может соответствовать лишь один залог, а одному залого — различные диатезы.

Применительно к эрзянскому языку автор работы выдвигает положение о том, что соответствие предполагает наличие двух множеств. Одно из множеств является областью отправления (семантика), другое — областью прибытия (члены предложения). Единицами семантического уровня в залого считаются субъект и объект, а единицами синтаксического уровня — подлежащее и дополнение предложения. Соответствие (прямое или обратное) предполагает наличие двух уровней.

Во второй главе подробно рассматривается действительный залог. По мнению И. М. Ведяшкина, он охватывает все переходные глаголы, транзитивно-интранзитивные (поскольку они употреблены в транзитивном значении) и непереходные (поскольку они употреблены в переходном значении).

Не вызывает возражения определение действительного залога, суть которого состоит в постоянном обозначении или указании на наклонениях переходного глагола на прямое соответствие между единицами синтаксического и семантического уровней. Хорошо прослежена роль суффиксов *-вт-*, *-д-*, *-т-* при образовании производных переходных глаголов действительного залога.

Третья глава посвящается понудительному залого. Она отличается глубоким анализом языкового материала. Понудительный залог, в образовании которого приняли участие *вт-*овые глаголы от переходных, как доказывает автор, развился на базе действительного залога: *Озимтнень, паряк, видьсынек тоско* 'Озимье, может быть, посею там же' (действительный залог); *Ламо видевтян пельдеть сюро мон* 'Я заставлю тебя посеять

много зерна' (понудительный залог). Описано, что глагол в понудительном залоге выражает двойную переходность: одна детерминируется лексическим значением глагола, другая — суффиксом *-вт-*, например, *рамамс панар* 'купить рубашку' — *рамавомс киньгак кедьстэ панар* 'попросить кого-либо купить рубашку'.

В четвертой главе анализируется возвратный залог. Выявляется, что а) этот залог образуется путем присоединения к основе переходных глаголов суффикса *-в-*; глаголы данного залога рефлексивны: *киртявомс* 'укоротиться', *маштовомс* 'убиться'; б) в возвратном залоге степень действия не зависит от его производителя — субъекта. В возвратных глаголах действие не выходит за пределы субъекта — подлежащего и замыкается в нем: *Кенкшесь пекставсь* 'Дверь закрылась'; этим имманентным свойством субъекта возвратный залог отличается от других залогов, например: *ёртыя кевень* 'я кинул камень' (действ.); *ёртовтыя кевень* 'я велел кинуть камень' (понуд.); *кевесь ёртовсь монень* 'камень брошен мной' (страд.); *ёртовинь таркастон* 'я бросился со своего места' (возвр.); в) глаголы возвратного залога являются формой соответствующих глаголов действительного залога: *мон мания сонзэ* 'я обманул его' — *манявинь* 'я ошибся' (букв. 'обманулся'); г) с помощью суффикса *-т(ть)-* передается рефлексивно-возвратное значение глаголов, которые обособились от возвратных форм и приобрели самостоятельное значение: *кепететьсь виев шалт* 'Поднялся сильный шум'; д) для обозначения возвратности употребляется местоименное слово *пря* 'голова, вершина', которое вступает в грамматическую связь с глаголом: *максомс пря* 'сдаться'; *Московось пря зьэ максо!* 'Москва не сдавалась'; е) ситуация (состояние), соответствующая сказуемому, детерминирует появление субъекто-объекта, соответствующего подлежащему: *Томбавинь ансяк* 'Я ушибся только'.

На богатом фактическом материале убедительно доказывается, что 1) глаголы страдательного залога образуются при помощи суффикса *-в-*, присоединяемого к основе переходных глаголов, который в силу своей полисемантичности образует также глаголы возвратного залога;

2) *в-*овые глаголы и *з-*овые причастия страдательного залога всегда непереходные и не имеют форм объектного спряжения; 3) в страдательном залоге прямое соответствие залоговых компонентов нарушено. От «прямой» исходной диатезы действительного залога образуется «обратная» производная диатеза страдательного залога.

В теории о залогах существует принцип обратимости. Данное явление хорошо проанализировано в работе. Доказывается, что страдательный залог превращается в действительный, когда грамматическое дополнение становится подлежащим, грамматическое же подлежащее становится прямым дополнением, например: *Зярдояк тенек сынь а стувтовить* 'Нами никогда они не будут забыты'; *Зярдояк минь сынст а стувтсынек* 'Мы никогда их не забудем'. В возвратной залоговой форме субъект соответствует подлежащему. В страдательном же залоге, наоборот, субъект соответствует косвенному дополнению, объект — подлежащему. При глаголах возвратного залога наличествует субъекто-объект (подлежащее), а при глаголах страдательного залога наличествуют субъект (дополнение) и объект (подлежащее). Оба залога имеют сходство: а) в выражении подлежащего: *Истя прядовсь еше вейке бой* 'Так закончился еще один бой'; *Телеть самс войнась а прядови тенек* 'До прихода зимы мы не сможем закончить войну (букв. война не будет закончена нами)'; б) в выражении глагола: *Муеви лияяк...* 'Найдется и другая...'; *Лодкась муеви теть?* 'Лодка будет найдена тобой?'

Рассматривается контаминация различных суффиксов и принцип агглютинации. Суффиксы *-вт-*, *-в-*, *-зь-* служат морфологическим средством образования понудительного, возвратного и страдательного залогов, отличающихся друг от друга.

Изученный материал показал, что дальнейшее исследование развивающейся категории залога позволит глубже проникнуть в систему залоговых противопоставлений.

Вместе с тем хочется сделать некоторые замечания по работе. Следовало бы пояснить, что имеется в виду под лексической категорией глагола. Иногда наблюдается смешение логических и граммати-

ческих понятий. Основой определения переходности-непереходности, по нашему мнению, является валентностный потенциал глагольной основы. О возможности, невольном и других значениях глаголов с суффиксом *-в-* сказано недостаточно. Не выделены внезалоговые конструкции речи.

Об образовании пунудительного залога, может быть, лучше было бы говорить в начале третьей главы, где сказано

о том, что такое пунудительный залог (по значению), с. 111. То же относится к возвратному и страдательному залогам, где сначала говорится о значении залога, а потом, через несколько страниц, о его форме.

Эти замечания ни в коей мере не умаляют достоинств работы, которая представляет собой ценный вклад в мордовское и финно-угорское языкознание.

Д. В. ЦЫГАНКИН (Саранск)

1. В мордовском языкознании проблематика, связанная с залогами глагола главным образом, по утверждению И. М. Ведяшкина, затрагивалась в грамматиках и других публикациях, не посвященных специально систематическому исследованию залогов. В них «суффиксы залоговой направленности» обычно относятся к словообразованию, а не к формообразованию слова, т. е. не рассматриваются как залоговые глаголы в собственном смысле слова «залог».

2. По И. М. Ведяшкину, среди мордовских грамматик указанного типа особое место принадлежит «Грамматике мордовских (мокшанского и эрзянского) языков I. Фонетика и морфология» (Саранск 1962), так как там формы залогового типа делятся на четыре группы: действительная, пунудительная, страдательная, возвратная (см. Ведяшкин, дисс., с. 18; Грамматика, с. 253—258). Те же четыре термина встречаются в рассматриваемой работе И. М. Ведяшкина, но уже определены в смысле залогов как формообразующих элементов (одного и того же) слова.

3. Кроме вышеуказанных публикаций «немонографического» типа до завершения исследования И. М. Ведяшкина тем не менее написаны две кандидатские диссертации по той же теме: М. И. Пигин, «Залоговые глаголы в эрзя-мордовском языке» (1945); А. Е. Смиреникова, «Развитие залоговых противопоставлений в мордовских языках» (1972). Защищена (в 1956 г.) еще одна кандидатская диссертация, в известном смысле охватывающая рассматриваемую здесь проблематику: V. Hallap, «Verbaaltuletussufiksidi mordva keeltes (ühis-mordva keeles esinenud sufiksidi)».

И. М. Ведяшкин анализирует исследование М. И. Пигина и А. Е. Смирениковой во введении (с. 4—5, 18—27), но в основных частях работы по конкретным вопросам больше не полемизирует с ними. Что же касается диссертации В. Халлапа, то автореферат ее «Суффиксы образования глаголов в мордовских языках (общемордовские суффиксы)» фигурирует только в списке литературы.

У И. М. Пигина (пять залогов) и А. Е. Смирениковой (три залога) И. М. Ведяшкин находит много ценного. Однако с точки зрения современного состояния изучения мордовских языков и с учетом новых теоретических положений в области залогов новое обращение к залогам в мордовских языках (в эрзя-мордовском) он считает обоснованным.

4. Большая часть I главы (с. 38—77) посвящена анализу переходности-непереходности глаголов и глаголообразующих суффиксов. На основе формулировок § 1 (с. 38—40, автореф., с. 3—4) различаются следующие типы «первичных», производных глаголов: глаголы, являющиеся всегда переходными, напр. *пандомс* (долг) 'уплатить (долг)'; переходные глаголы, «допускающие употребление в непереходном значении», напр. *видян* (*сюро*) 'сею (хлеб)' — *видян* 'сею' (в значении *роботан* 'работаю'); «глаголы, употребляемые лишь в непереходном значении», напр. *озамс* 'есть'; непереходные глаголы, «допускающие употребление в переходном значении», напр. *удан* 'сплю' — *удыя поездэнт* 'я проспал поезд'. По-видимому, И. М. Ведяшкиным отдельно трактуется еще одна группа глаголов — транзитивно-интранзитивные, которые «в исходной форме вне контекста несут одновременно